

ОТЗЫВ

официального оппонента
о диссертации Белаш Екатерины Юрьевны
«Жанровая поэтика романов А. Мариенгофа»,
представленной к защите на соискание ученой степени кандидата
филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература

Творчество А. Мариенгофа отнюдь не обделено вниманием современных исследователей: только за последние 10 лет о нем и о его произведениях появилось около ста публикаций. Тематика их весьма разнообразна (от вставных конструкций в отдельно взятом тексте А. Мариенгофа до «кода телесности в литературно-критическом дискурсе»), но Е.Ю. Белаш находит собственную исследовательскую нишу – осмысление жанровой поэтики. По сути, это дает возможность выстроить разноракурсное и многоаспектное изучение романной прозы А. Мариенгофа: в поле зрения диссертанта оказываются все уровни художественной структуры – и лексико-семантические особенности художественного языка, и нарративные инстанции, и точки зрения, и приемы монтажной композиции. Все частные особенности поэтики А. Мариенгофа, описываемые в исследовательских статьях по отдельности, в диссертации Е.Ю. Белаш представлены как компоненты художественного целого, в разнообразных внутренних связях и отношениях, во взаимной обусловленности и нераздельности. Этим, на наш взгляд, определяется несомненная *научная новизна* исследования.

Научный аппарат и терминологический язык диссертации вводят ее в поле *актуальных* гуманитарных исследований: романная поэтика А. Мариенгофа изучается, с одной стороны, на стыке с поэтикой кино (параграфы, посвященные приемам монтажной композиции), а с другой – на стыке с документально-исторической прозой (прежде всего non-fiction – мемуарной и автобиографической литературой). Автор диссертации опирается на работы в области исторической поэтики (труды М. Бахтина и С. Бройтмана о поэтике романа), теории монтажа (статьи С. Эйзенштейна,

Вс. Пудовкина и Д. Вертова) и учитывает нарратологические исследования конца XX – начала XXI века (Ж. Женетта, В. Шмида). Это обеспечивает разнообразие тех «аналитических срезов», в которых рассматривается проза А. Мариенгофа, и – как следствие – способствует качественной проработке литературного материала.

Прежде всего укажем на уместность и обоснованность рассмотрения романов А. Мариенгофа в контексте его теоретических трудов об имажинизме, учет поэтического «прошлого» автора и его опыта работы в качестве сценариста. Это позволяет Е.Ю. Белаш ввести в сферу исследования сразу несколько важных смысловых линий: рассмотрение монтажной техники повествования, его образного строя и отдельных особенностей авторского идиостиля.

О монтаже в кино 1920—1930-х гг. в понимании С. Эйзенштейна, Вс. Пудовкина и Д. Вертова в диссертации говорится подробно, со знанием дела, с обоснованием тех значимых различий, которые отразились в теоретическом осмыслении монтажной техники в работах каждого из этих режиссеров. Детальный разбор отдельных эпизодов романов убедителен, он позволяет показать общие принципы соединения фрагментов «различной временной отнесенности и содержательной наполненности» (с.55). Рассмотрение «Циников» как романа-монтажа выстроено на анализе композиционной соотнесенности документальных и фикциональных фрагментов, эпизодов частной жизни и важных исторических событий, отрывков, в которых доминирует либо иронический, либо трагический пафос. Автор диссертации внимательно относится к контрастным деталям, стилистической «кодировке», в которой они вводятся в повествование, способу их предъявления. Тема и время как основополагающие аспекты монтажа обсуждаются во второй главе на обширном текстовом материале, а с выводом о «катахрестическом» монтаже как важнейшем структурном принципе, обладающем собственным семантическим потенциалом (соединение «сейчас»

и «всегда», документального факта и художественного обобщения и т.п.), нельзя не согласиться.

Весьма интересны в диссертации и наблюдения над визуальными эффектами, которые используются в романном повествовании. Так, примером образцовой аналитической работы исследователя может служить разбор техники портретных изображений в романе «Циники» (с.132-133): ясно и убедительно показано, как метафора в новом микроконтексте переходит в метонимию («черные ниточки»), как достигается сосредоточение читательского внимания на нужной автору детали, как соотносится в повествовательном «кадре» часть и целое. Важно и то, что в диссертации Е.Ю. Белаш языковые средства анализируются не как самодостаточный художественный материал (хотя построению и трансформации метафорических связок или цепочек сравнений уделяется достаточно много внимания), а в связи с образной динамикой и логикой монтажа, призванной создать у читателя переживание дискретности романного мира.

Тщательная, продуманная работа с тропами выводит исследователя к важному вопросу о соотношении сакрального / карнавального в образном мире романов. Так, обратив внимание на сопоставление храма Василия Блаженного в «Циниках» с итальянским арлекином (с. 144), Е.Ю. Белаш справедливо подчеркивает связь шутовства и святости, указывает на значимость мотивов цирка / ярмарки / карнавала, связывающих прозу А. Мариенгофа с его лирическими произведениями.

К этой группе мотивов примыкает еще один, ведущий происхождение из Библии, но в прозу А. Мариенгофа входящий при посредничестве О. Уайльда, – это мотив усекновения главы Иоанна Крестителя. В диссертации подробно и убедительно анализируются контексты, в которых этот мотив возникает, и коннотации, которыми он обрастает в прозе А. Мариенгофа. Как компонент портретной характеристики отсылка к «Саломее» О. Уайльда вводится в описании Ольги в «Циниках» (с.141); в «Романе без вранья» танец Дункан оказывается впрямую соотнесен с танцем, который Ирод требует от

Саломеи (с.91–92). Изображение персонажей романа – «добрых приятелей» автора – в библейском аллюзивном поле можно рассматривать как реализацию авторской установки на синтез мемуарной документальности и (авто)биографического мифа – а этому очень значимому аспекту поэтики А. Мариенгофа в диссертации уделяется немало внимания, и анализируется он очень убедительно.

Соотнесенность исповедальности повествователя и вольного или невольного «мифотворчества» – важная внутренняя тема исследования. Применительно к «Роману без вранья» она обоснованно связывается с установкой повествователя на роль «летописца» эпохи – однако в романном мире, лишенном точных датировок, все изображаемое выводится в сферу художественных обобщений. В третьем же из рассматриваемых романов – «Бритом человеке» – исповедальность оказывается неотделима от пародийности, и вывод Е.Ю. Белаш о том, что сама установка на исповедальность лишь имитируется, представляется очень точным: несколько раньше говорилось о нарциссической природе повествования у А. Мариенгофа – и это, на наш взгляд, объясняет соскальзывание повествователя в пародию на лирическую прозу.

Изучение нарративной структуры текстов А. Мариенгофа занимает важное место в диссертации; основное внимание уделено повествовательным инстанциям и точкам зрения (последние получают толкование по Б. Успенскому). Конкретные эмпирические наблюдения, связанные с объективностью / субъективностью, всезнанием / ограниченностью знания повествователя точны и аргументированы текстом романов. Но вот разделение в анализе «Романа без вранья» нарратора на две самостоятельные фигуры – повествователя и рассказчика – представляется несколько искусственным. Автор диссертации ориентируется на характеристики этих инстанций, данные в работах В. Шмида, а также для анализа повествовательной структуры текста пользуется категориальным аппаратом Ж. Женетта. Вероятно, можно было не выделять отдельные инстанции (повествователя и рассказчика), а

охарактеризовать сферу компетенций (информированности) нарратора и особенности фокализации (термин, используемый в работах Ж. Женетта). Субъективность / объективность повествования в «Романе без вранья» связываются в работе Е.Ю. Белаш со сменой повествовательных масок (с.68), но мы бы скорее усматривали здесь демонстративное расширение / сужение «информированности» нарратора, его осознанную игру в «незнание».

Вот, например, эпизод, к которому Е.Ю.Белаш обращалась в первой главе диссертации (но в работе он используется для рассмотрения идеи цикличности времени в повествовании на с.75): «Рыжеволосая девушка принесла нам маленькую электрическую грелку. Девушка любила стихи и кого-то из нас. В неустанном беге за славой и за тормозливостью дней мы так и не удосужились узнать кого». Формула «любила... кого-то из нас» первоначально воспринимается не столько как признание ограниченности знания повествователя (хотя в буквальном смысле должна читаться именно так), сколько как игра с читательскими ожиданиями (загадка ведь должна разрешиться: кого же именно любила девушка?). Однако кажущаяся имитация неосведомленности, как выясняется, равна подлинному незнанию: глядя из своего «настоящего» – ситуации письма – в прошлое, нарратор по-прежнему не понимает, кого любила героиня. Иными словами, для характеристики нарративных компетенций необязательно было выделять разных субъектов повествования в качестве автономных субстанций, вполне можно было описать нарратора («я»-повествователя) как одну инстанцию, меняющую в зависимости от задач эпизода степень полноты знания об изображаемом мире.

В завершение – несколько формальных замечаний. Выглядит неудачной формулировка объекта исследования (с.23) – она равна описанию материала (романы А. Мариенгофа), а необходимо было очертить научную область исследования. Не очень точно обозначен и «метод структурной поэтики» (с.24): вероятнее всего, имелся в виду метод структурного анализа? В библиографии и в описании методологической базы работы недостает монографии Н. Лейдермана «Теория жанра» (2010), а она наряду с трудами

М. Бахтина и С. Бройтмана могла бы стать опорой в теоретическом осмыслении жанровой поэтики. Развернутое Введение, в котором дается подробное освещение истории изучения творчества А. Мариенгофа в отечественном и зарубежном литературоведении, вполне могло бы претендовать на место самостоятельной главы исследования, и тогда в нем наверняка бы нашлась возможность более детально выстроить теоретические основания работы (хотя необходимые сведения и о поэтике жанра, и о теории киномонтажа, и о нарративной структуре текста даются в каждой главе применительно к рассмотрению конкретного аспекта произведений).

Однако частные недочеты не умаляют значимости проделанной автором диссертации работы. Исследование вводит в научный оборот новые данные о монтажной поэтике, повествовательной организации и системе точек зрения, специфике художественного времени, особенностях образного строя и языка прозы А. Мариенгофа, и выполнено исследование на высоком научном уровне.

Материалы диссертации легли в основу докладов, сделанных на всероссийских / межвузовских конференциях. Основные положения работы отражены в статьях, три из которых опубликованы в изданиях из перечня ВАК.

Содержание автореферата диссертации Е.Ю. Белаш полностью соответствует основным положениям работы.

Всё вышесказанное даёт основания утверждать, что рецензируемая диссертация представляет теоретический и практический интерес. Это научно-квалификационная работа, в которой на основании выполненных автором исследований создано системное описание романной поэтики А. Мариенгофа; работу можно квалифицировать как научное достижение, имеющее важное социальное и культурное значение, что соответствует требованиям п. 9, 10, 11, 13, 14 «Положения о порядке присуждения учёных степеней» (утверждено Постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. №842), предъявляемым к диссертациям на соискание учёной степени

кандидата филологических наук, а её автор, Екатерина Юрьевна Белаш, заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература.

07.09.2021

Официальный оппонент
доктор филологических наук
(специальность 10.01.01 – русская литература),
профессор кафедры русской литературы
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
педагогический университет
им. К.Д. Ушинского»

Т.Г. Кучина

Подпись Т.Г. Кучиной удостоверяю.

Начальник управления по кадровому
и организационному обеспечению
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
педагогический университет
им. К.Д. Ушинского»

Л.В. Коняева

Кафедра русской литературы ЯГПУ им. К.Д. Ушинского:
150000, Ярославль, Которосльская наб., 66, ауд. 318, тел. (4852)213473,
e-mail: tgkuchina@mail.ru